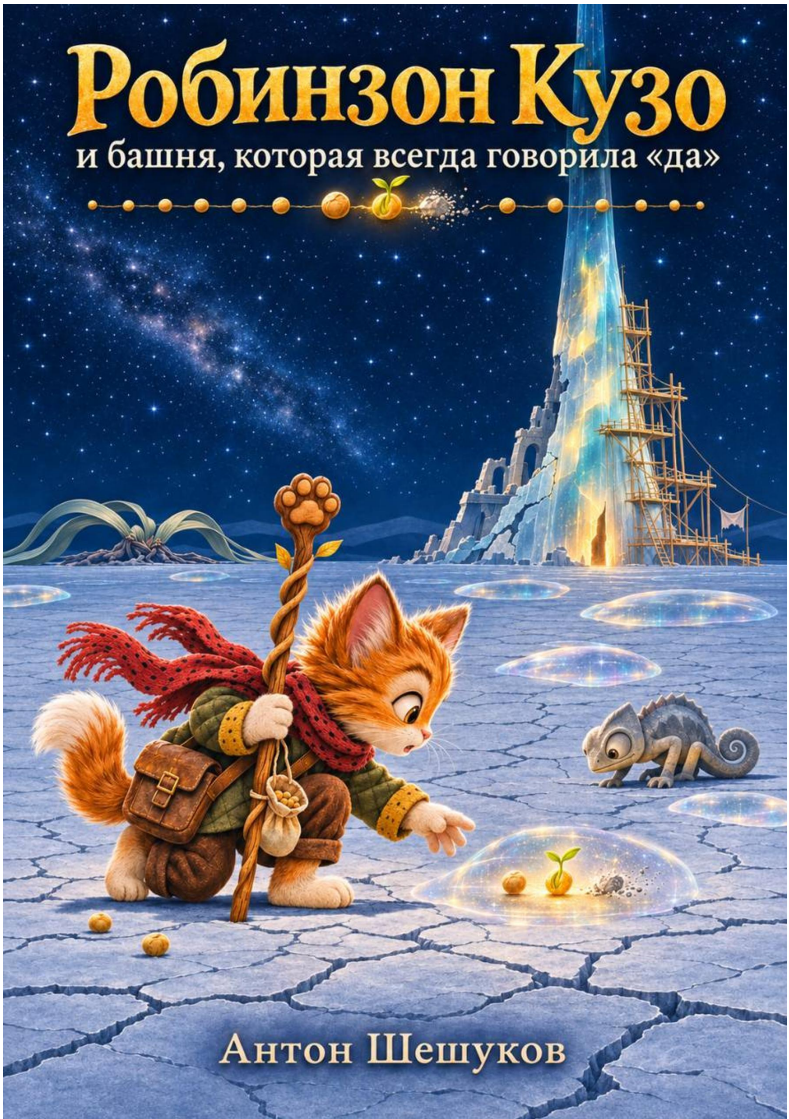
Робинзон Кузо

и башня, которая всегда говорила «да»

Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и башня, которая всегда говорила «да»

https://litres.ru/74798507
SelfPub; 2026

Аннотация

На острове Сухая Ладонь семь лет не было дождя. У сурикатов почти кончилась вода, а корабельных запасов хватит ненадолго. Зато посреди соляной пустыни стоит Башня Да: говорят, она исполнит любое желание, если суметь открыть её дверь.

Кузо отправляется к башне с мешочком гороха и необычным проводником. Но дорогу преграждает Рябь, где время путается, а за дверью его ждёт вопрос, на который не так просто ответить.

Содержание

Глава 1. Мачты, которые молчат 4
Глава 2. Почему на юге холодно 9
Глава 3. Остров, где туман и жажда 14
Глава 4. Жук, который стоит на голове 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и башня, которая всегда говорила «да»

Глава 1. Мачты, которые молчат

Вечером Кузо, как всегда, вышел на палубу считать мачты.

Море лежало гладкое, как блюдце с молоком. Ни волны, ни ряби. Даже у борта, где вода всегда хоть чуть-чуть, да плещется, она стояла неподвижно, словно её нарисовали. В ней отражался «Сполох» — весь, до последнего каната, — и Кузо казалось, что под кораблём висит второй корабль, вверх ногами, и тоже молчит.

Паруса висели, как бельё в безветренный день.

— Раз, — сказал Кузо и тронул грот-мачту, самую большую.

Мачта не скрипнула.

Обычно она отвечала. Не словами, конечно. Кузо с острова Полуночный немного слышал, о чём скрипят мачты, — как слышишь разговор за стенкой: слов не разобрать, но по-

нятно, весело там или грустно. Грот-мачта скрипела басом и всегда немножко ворчала. Сейчас она стояла тихая — и всё равно тёплая, как печка, которую давно не топили.

— Два, — сказал Кузо.

Тишина.

— Три. Четыре. Пять.

Он шёл вдоль борта и трогал мачты лапой, одну за другой, как будто будил. Ни одна не проснулась.

— Шесть, — сказал он. И остановился у седьмой.

На седьмой мачте, на высоте его ушей, была зарубка. Косая черта, а на конце — точка. Кузо потрогал её. Дерево было гладкое, тёплое и молчаливое.

— Семь, — сказал он шёпотом.

Седьмая мачта всегда скрипела громче всех. Даже в штиль. Даже ночью. Кузо иногда думал, что она скрипит специально для него.

Сегодня она молчала второй вечер подряд.

Кузо сел на палубу, прижался спиной к мачте и обнял колени. Живот у него громко заурчал. За весь день он сгрыз одну Брамсову лепёшку, высохшую в камень.

На корабле было полно еды. Это-то и было самое странное.

Из камбуза, корабельной кухни, пахло пирогом. Пирог стоял на столе — круглый, золотой, ровный, как солнце на картинке. Ни одного подгоревшего краешка. Брамс, корабельный кок, барсук с басом, как у грот-мачты, сидел рядом

с пирогом и смотрел на него.

Раньше пироги у Брамса иногда подгорали. Он говорил: «Пирог должен немножко бояться печки». Теперь пироги не подгорали никогда. Они вообще не пеклись. Они просто были — каждый раз, когда кто-нибудь хотел пирога. А хотеть было некому: никто на свете больше не бывал голодным.

Кроме Кузо.

Кузо пробовал. В первый же день он протянул лапу к такому пирогу, взял кусок — и тот у него в лапе стал тёплым воздухом. Пахнул, как пирог, а в рот положить нечего.

— Брамс, — позвал Кузо. — Ты бы испёк настоящий? Ну, такой, обыкновенный. Чтобы подгорел.

Брамс улыбнулся. Ласково, широко, совсем не по-брамсовски.

— Зачем, Кузо? Всё же есть.

И снова стал смотреть на пирог.

В печи, за заслонкой, лежал Уголёк. Дух очага, огонь, который жил в печке «Сполоха» и называл себя Великим Угольком, Грелкой Тридцати Чумов. Раньше он трещал так, что Брамс затыкал уши, и хвастался так, что уши затыкали все. Сейчас он был маленький и тусклый, как красная бусинка.

— Уголёк, — позвал Кузо.

— М-м? — сказал Уголёк. Сонно, тихо. — Хорошо, Пушистый. Тепло. Всем тепло…

И потускнел ещё чуть-чуть.

Пуговка, мышка в синей курточке, сидела в своей мастерской под трапом. Перед ней лежал блокнот. Каждый вечер она записывала туда вопрос дня. Каждый вечер — с тех пор, как Кузо её знал. «Почему у волны белая шапка?» «Сколько весит туман?» «Сколько лет живёт песня, если её не петь?»

Кузо заглянул ей через плечо. Страница была пустая. Только сверху, аккуратно, буква к букве:

Вопрос дня: вопросов нет. Всё и так понятно.

— Пуговка…

— Мне всё понятно, Кузо, — сказала Пуговка и улыбнулась. Той же самой ласковой улыбкой, что и Брамс. — Это так приятно. Ты не представляешь.

На мостике стоял Барсур, старый кот-капитан. Он не держал штурвал: держать было незачем, корабль никуда не шёл. Барсур смотрел в никуда и шевелил губами. Он вспоминал. Теперь он помнил всё на свете, что с ним когда-нибудь было, и это его очень занимало.

А на берегу, за молчаливой водой, лежал остров. Жёлтый, песчаный, похожий на раскрытую ладонь. Там, в норах и в новеньких дворцах, которые выросли за одну ночь, жил народ сурикатов. Три дня назад у них не было воды. Теперь у них было всё. Вода в каждом кувшине. Финики на каждом сухом кусте. Здоровые лапы у старого часового.

Кузо слышал оттуда музыку. Каждый сурикат играл свою, отдельно. Получалось не весело, а как будто сто шкатулок открыли сразу.

Посреди острова, в самой серединке ладони, стояла Башня. Огромная, такая высокая, что верх её уходил в небо и там терялся. Она мерцала. То казалась старой-старой развалиной, то — недостроенной стройкой в лесах. Как будто никак не могла решить, была она уже или только будет.

Кузо посмотрел на Башню. А Башня — так ему показалось — посмотрела на него.

У всех на свете было всё, чего они хотели. Никто больше нигде не страдал. Не мёрз, не голодал, не болел, не плакал.

Это Кузо попросил.

Он сам. Три ночи назад. Вслух и громко, чтобы Башня точно расслышала.

Он сидел у молчащей седьмой мачты, голодный, в тёплом безветрии, и в первый раз за всю свою жизнь не знал, что делать.

Чтобы понять, как всё так вышло, надо вернуться немножко назад. На двенадцать дней. К маленькому маяку на скале, где живёт рак-отшельник в стеклянной банке из-под варенья.

Глава 2. Почему на юге холодно

От маяка на острове Перекличка «Сполох» ушёл на юг. Север закрыл паковый лёд — толстый, многолетний, не по силам даже ледоколу. До весны. А весной — назад, на север, туда, где сияние спит. Туда, где, может быть, жила кошка с белыми лапами, которую Кузо никогда не видел, но про которую думал каждый вечер.

Пуговка посчитала: до весны сто двадцать дней. Она нарисовала в блокноте сто двадцать клеточек и каждое утро зачёркивала одну.

— Сто восемнадцать, — объявляла она за завтраком. — Сто семнадцать.

— Не говори вслух, — просил Кузо. — От этого ещё дольше.

— Дни не становятся длиннее, если их считать, — сказала Пуговка. — Я проверяла.

Первая неделя пути на юг была тёплой и синей. Море стало такого цвета, какого Кузо раньше не видел: прозрачное, как стекло, а внизу — синее-синее, будто туда пролили чернила. Солнце грело палубу так, что Кузо лежал на ней пузом кверху и жмурился, как котёнок на подоконнике.

На третий день из воды выпрыгнули рыбы — и не упали обратно.

Они полетели.

Целая стайка серебряных рыбок раскрыла плавники, широкие и прозрачные, как крылья стрекозы, и понеслась над волнами. Низко-низко, почти касаясь воды хвостом. Одна шлёпнулась прямо на палубу, к лапам Кузо. Он подскочил на всех четырёх сразу, как подпрыгивают только кошки, и приземлился уже на канатном ящике.

— Летучая рыба, — сказала Пуговка, подбежав. Она осторожно взяла рыбку и опустила за борт. — Она не машет крыльями, как птица. Она разгоняется под водой, выскакивает и парит. Как бумажный самолётик. Может пролететь целую улицу.

— А зачем?

— Убегает от тех, кто хочет её съесть. В воздухе её не достанут.

Кузо долго смотрел, как рыбы скользят над волной и снова ныряют. Он подумал: интересно, а рыбе нравится летать? Или ей просто надо?

Вечерами Кузо считал мачты. Теперь — не один. С тех пор как на маяке Ракуша Барсур узнал, что Кузо — внук его старого капитана Сивера, они считали вдвоём, вслух. Барсур говорил медленно, с паузами, будто здоровался с каждой мачтой за лапу.

— Раз.

— Два.

Мачты скрипели. В тёплые вечера они скрипели довольно и лениво, как старики на лавочке, которые греют спины.

Седьмая подскрипывала Кузо, когда он трогал свою зарубку. «Кто считает — тот не теряет», — говорил Барсур. Так говорил когда-то капитан Сивер.

Но Кузо всё равно было не по себе.

Он и сам не смог бы объяснить отчего. Просто у всех было своё дело. Брамс пёк, Пуговка чинила парус, Барсур писал в журнал. Кузо предлагал помочь — ему давали подержать конец нитки или помешать тесто, а потом говорили: «Спасибо, дальше я сам». На маяке у Ракуша он считал секунды до эха, и от его счёта зависел целый корабль. А теперь считать можно было только клеточки в Пуговкином блокноте. Сто двадцать дней. Ничего не надо искать, никого не надо спасать. Плыть и ждать.

— Ждать — это тоже дело, — сказал как-то Барсур, хотя Кузо ничего не спрашивал. — Трудное.

— Я хочу сделать что-нибудь, — сказал Кузо. — Что-нибудь большое. Хорошее. Для всех.

Барсур посмотрел на него и ничего не ответил. Только усы у него чуть-чуть шевельнулись.

На седьмой день стало холодать.

Сначала Кузо не поверил. Они шли на юг — а на юге должно становиться теплее, это знает любой котёнок. Но утром палуба была мокрой и холодной, а вода за бортом — зеленоватой и мутной. Кузо опустил лапу в ведро, которым Брамс черпал воду для мытья посуды, — и отдёрнул. Вода была ледяная, почти как на севере.

В тот вечер Брамс вышел на палубу, поднял морду и попробовал ветер языком. Это он умел с острова Полуночный, с полярной ночи: лизнёт ветер — и знает, какая будет погода завтра.

— Завтра холодно, — сказал он. И почесал затылок. — На юге. Не понимаю.

— А я понимаю, — сказала Пуговка. Она уже бежала из мастерской с блокнотом. — Это течение.

— Чего течение?

— Моря. В море текут реки, только без берегов. Одни тёплые, от жарких стран. Другие холодные. Мы попали в холодную: она течёт с юга, оттуда, где лёд.

— Река без берегов, — повторил Брамс. — Ну и ну.

На восьмое утро «Сполох» проснулся в тумане.

Туман был такой густой, что Кузо с носа корабля не видел кормы. Мачты уходили вверх и пропадали в белом, как в молоке. С парусов капало. С усов Кузо капало. С кончика носа у Брамса, который стоял у камбуза с кастрюлей, тоже капало.

— Откуда столько воды? — удивился Кузо. — Дождя же нет.

Брамс молча поставил на стол кувшин с холодной водой из бочки. Скоро кувшин весь покрылся капельками, будто вспотел.

— Видал? — сказал Брамс. — Холодный кувшин — тёплый воздух. В воздухе вода есть всегда, просто невидимая. Тронет она холодное — и становится каплями. У меня на

крышке так каждый раз, когда суп варится.

— И тут так же, — подхватила Пуговка. — Тёплый воздух прошёл над холодной водой — и стал туманом. Кувшин размером с море.

Кузо лизнул капельку с кувшина. Она была пресная. Не солёная, как море, а настоящая, питьевая вода.

К полудню туман уполз, будто его кто-то свернул, как одеяло. И тогда впереди показался берег. Жёлтый. Совсем жёлтый, без единого зелёного пятнышка. Песок, дюны, камни. А посреди, далеко-далеко, что-то высокое и тонкое, как иголка, воткнутая в небо.

Иголка мерцала.

Барсур долго смотрел в подзорную трубу. Потом опустил её.

— Пустыня, — сказал он. — У самого моря. Туман есть, а дождя нет.

— А что это там? — спросил Кузо. — Высокое.

Барсур помолчал.

— Не знаю, — сказал он. И это было так непривычно, что все обернулись.

Вопрос дня: почему в пустыне туман есть, а дождя нет?

Глава 3. Остров, где туман и жажда

Первым их заметил часовой.

«Сполох» ещё только входил в бухту, а на самом высоком камне у берега уже кто-то стоял. Маленький, рыжевато-серый, вытянувшийся столбиком на задних лапах. Передние лапки он сложил на животе, как будто держал невидимую чашку. Вокруг глаз у него были тёмные круги — словно он надел очки от солнца.

— Это кто? — шепнул Кузо.

— Сурикат, — сказала Пуговка. — Я читала. Тёмные круги — чтобы солнце не слепило. Как козырёк.

Часовой смотрел на корабль. Потом поднял мордочку и тихонько запел. Не песню, а скорее посвист: «пип… пип… пип…» Ровно, спокойно, как часы.

— Это он своим: «Всё спокойно», — шепнула Пуговка.

Из-за камней, из песка, из каких-то дырок в земле вдруг высунулись головы. Десять. Двадцать. Пятьдесят. Все столбиком, все в тёмных очках, и все смотрели на «Сполох».

Песня часового не прерывалась. «Пип… пип…» — значит, можно.

Сурикаты высыпали на берег.

Барсур с командой спустились по трапу. Песок под лапами был горячий, хотя утром стоял туман. Ветер нёс сухую пыль, и она скрипела на зубах.

Часовой слез с камня. Слезал он медленно, по одной лапе, морщась. Он был старый: шерсть на морде совсем седая, а задние лапы двигались так, будто внутри у них что-то скрипело.

— Дозор, — представился он. — Часовой. Тридцать лет на камне. Добро пожаловать на Сухую Ладонь. Только угостить вас нечем. Простите.

Он сказал это просто, без жалобы. Как говорят «сегодня вторник».

Остров и правда был похож на ладонь. Пять длинных мысов-пальцев уходили в море, а между ними лежали бухты. В одной из них и стоял теперь «Сполох». А посередине ладони — Кузо увидел это, когда поднялся на дюну, — была большая плоская белая впадина. Будто кто-то вылил там молоко, и оно засохло.

А в самой её середине, как монетка на донышке миски, стояла Башня.

Отсюда она казалась ещё выше. Тонкая, серо-голубая, без окон. Верх её терялся в небе. И она мерцала: то казалась старой, в трещинах, с осыпавшимися камнями, то новенькой, в деревянных лесах, будто её ещё строят. Туда-сюда. От этого у Кузо закружилась голова, и он отвернулся.

— Что это? — спросил он.

— Башня Да, — сказал Дозор. — Она всегда отвечает «да». Если дойдёшь. Потом расскажу. Сначала — вода.

Колонию сурикатов звали Холм. Холм был изрыт норами,

как сыр дырками. У каждой норы стоял столбик, а на столбиках были зарубки.

У одного такого столбика стояла маленькая сурикатка и, вытянувшись изо всех сил, прикладывала к макушке лапку.

— Опять не выросла, — сказала она с досадой. — За месяц — на полкоготка.

— Мирка, — вздохнул Дозор. — Моя внучка. Хочет быть часовой.

— Я буду часовой, — сказала Мирка. — Когда дорасту вот до сих пор. — Она показала на верхнюю зарубку, самую высокую. — Тогда дедушка сможет отдохнуть. У него лапы болят.

Кузо смотрел на столбик. На нём была целая лесенка зарубок, от самой земли. Каждый месяц — новая. Кто-то каждый месяц ставил Мирку к столбику и проводил черту над её макушкой.

Кузо вдруг очень ясно вспомнил свою зарубку на седьмой мачте. Черту с точкой. Ту, которую поставил неизвестно кто, неизвестно когда, на той высоте, до которой он дорос, когда пришёл на корабль.

— Это мама меряет? — спросил он.

— Тётя Норка, — сказала Мирка. — Она у нас нянька. Она всех малышей меряет. И всех нянчит. У сурикатов так: мама ищет еду, а за малышами смотрит кто-нибудь другой. По очереди.

Кузо ещё раз посмотрел на лесенку. У Мирки зарубок бы-

ло больше двадцати, и каждую кто-то ставил. У него была одна.

Потом Кузо узнал, как сурикаты добывают воду.

Дождя на Сухой Ладони не было седьмой год. Колодцы, которые выкопали ещё прадеды, высохли. Сурикаты копали их глубже — до тех пор, пока не упёрлись в камень. Копать камень лапами нельзя.

Оставался один ручей — Последний Ключ. Он бил из-под скалы на самом дальнем пальце острова. Каждое утро, пока не жарко, сурикаты шли туда цепочкой, с маленькими глиняными кувшинчиками. Полдня туда, полдня обратно. И каждый год ручей становился тоньше.

— Раньше он был с вашу лапу толщиной, — сказал Дозор Кузо. — Теперь с мой хвост. А там будет с травинку.

— А чего не уплываете? — спросил Брамс.

— На чём? — Дозор пожал плечами. — Корабли сюда заходят редко. Туман, мели. Те, что заходят, берут двоих-троих. А нас сто сорок. И это наш дом. Тут наши норы и наши зарубки.

Брамс ничего не сказал. Он ушёл на корабль и вернулся с первой бочкой воды. Потом со второй. Сурикаты стояли вокруг молча, со своими кувшинчиками, и смотрели, как он наливает каждому. Никто не толкался. Сначала малышам. Потом старикам. Потом остальным.

— Это на три дня, — тихо сказала Пуговка Кузо. — Если всем понемножку. Я посчитала.

— А потом?

Пуговка не ответила.

Вечером у костра, на котором ничего не варилось, потому что варить было нечего, Дозор рассказал про Башню.

— Она стояла здесь всегда. Раньше нас. Вокруг неё — Рябь. Там дрожит время. Пройдёшь Рябь, поднимешься по Лестнице — придёшь к Двери. Дверь спрашивает: «Для кого?» Если ответишь правильно — откроется. А там Башня исполнит одно желание. Любое. Что попросишь — на всё скажет «да». — Он помолчал. — Говорят, Башню держит старый волшебник. Ходит, говорят, в чужой шкуре.

— И вы ходили? — Кузо даже привстал.

— Ходили. — Дозор посмотрел в огонь. — Многие. Мать Мирки ходила. Я ходил, когда был молодой. Мы просили воды. Для своих. Для семьи, для Холма. Дверь не открылась ни разу.

— Почему?

— Не знаем. Ответ был не тот. А теперь туда никто не ходит. Бабушка не пускает.

— Какая бабушка?

Сурикаты вокруг костра переглянулись. Кто-то сердито фыркнул.

— Двулистая, — сказала тётя Норка. И отвернулась.

Ночью Кузо лежал в гамаке и смотрел в иллюминатор. Там, в темноте, мерцала Башня. Была — будет. Была — будет.

«Если ответить правильно, — думал он. — Одно желание. Любое».

Седьмая мачта за стенкой поскрипывала. Тихо и, как показалось Кузо, тревожно.

Вопрос дня: если пить хотят сто сорок, а воды на троих — как поделить?

Глава 4. Жук, который стоит на голове

Кузо не спалось. Перед рассветом он выбрался на палубу и увидел, что не спится не ему одному: у трапа, закутавшись в шарфик, сидела Пуговка с блокнотом.

— Я думаю про вопрос дня, — сказала она. — Не получается. Пойдём посмотрим, откуда берётся туман?

Они сошли на берег и полезли на самую высокую дюну. Песок был холодный и сыпался из-под лап. Кузо проваливался по колено, а Пуговка бежала сверху легко, как пёрышко.

Море дышало туманом. Он поднимался от воды белыми клубами и медленно полз на берег, на дюны, на сурикатьи норы. Скоро весь остров утонул в нём. Кузо не видел ни корабля, ни Холма, ни Башни. Только Пуговку рядом и гребень дюны под лапами.

— Тсс, — сказала Пуговка. — Смотри.

На самой верхушке дюны, там, где песок острый, как край крыши, сидел жук.

Чёрный, блестящий, с длинными тонкими ногами. И он делал что-то очень странное. Он развернулся к морю, к ветру, который нёс туман, — и встал на голову. То есть задрал зад высоко, а голову опустил к самому песку. И замер.

— Ему плохо? — шёпотом спросил Кузо.

— Не знаю…

Туман плыл мимо жука. И на его чёрной спине, на маленьких бугорках, стали появляться капельки. Сначала крошечные, как пыль. Потом больше. Капельки сливались, тяжелели — и скатывались по спине вниз. Прямо к голове. Прямо ко рту.

Жук пил.

— Доброе утро, — сказал жук, не меняя позы. Голос у него был тоненький и немножко сдавленный, как у всякого, кто разговаривает вверх тормашками. — Вы мне туман загораживаете. Чуть-чуть влево, пожалуйста.

Кузо и Пуговка поспешно отодвинулись.

— Спасибо. — Жук отпил ещё. — Вверхтормашкин. Жук-чернотелка. Туманы пью.

— Всю жизнь? — спросил Кузо.

— Всю жизнь. Каждое утро. Дождя я, знаете, ни разу не видел. И мама моя не видела. А пить хочется всем. Вот мы и придумали. Спина холодная, ночью остыла. Туман тёплый и мокрый. Тронет холодную спину — и становится каплей. А дальше — вниз, вниз, и в рот. Главное — стоять повыше и к ветру лицом. Ну, то есть… не лицом.

Пуговка смотрела на жука так, будто он был не жук, а чертёж нового паруса.

— Холодная спина, — сказала она медленно. — Как кувшин у Брамса. Кузо! А если сделать спину побольше?

— Какую спину?

— Сетку! Натянуть на палках поперёк ветра. Туман будет проходить сквозь неё, капли — оседать на нитках, сливаться и стекать вниз. А внизу — жёлоб. И кувшин. Это та же жучиная спина, только размером с парус!

Вверхтормашкин от удивления чуть не упал.

— Спину размером с парус? — пискнул он. — Это же сколько воды!

— Сколько? — спросил Кузо.

Пуговка уже считала в блокноте. Бормотала, зачёркивала, считала снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.